ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Сюй Минюаня «Эвфемизация в современном русском юмористическом дискурсе», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Для современного этапа развития лингвистики, характеризующегося полипарадигмальностью, чрезвычайно актуальны исследования комплексного характера, в которых соединяются разные подходы к выявлению сущностных свойств изучаемых феноменов. Заявленная Сюй Минюанем проблематика предполагает несколько аспектов ее разработки, касающихся как самих механизмов эвфемизации, так и ее функционала в современной ситуации, где представлены разнообразные дискурсивные практики деканонизации языкового стандарта (в том числе и эвфемистический ресурс языковой игры). В центре внимания автора при этом неизбежно оказывается противоречие между тенденцией, с одной стороны, к характерному для определенной части носителей языка использованию обсценной лексики и в целом сниженного стилистического регистра общения и, с другой стороны, тенденцией к расширению функционала использования эвфемизмов в сравнении с традиционным их употреблением. Такая направленность диссертационного исследования свидетельствует о его несомненной **актуальности** для выявления «живых» процессов речевой коммуникации в их социокультурной и лингвокреативной проекциях.

Новизна исследования связана с задачей **комплексного** описания эвфемизации как механизма создания шутки и трансляции специфических интенций говорящих в опоре на потенциал той или иной жанровой формы в современном юмористическом дискурсе. В научный оборот вводится репрезентативный материал, выявляющий спектр приемов эвфемизации как особой формы языковой игры. Представлен сравнительный анализ тематической специализации эвфемизмов юмористической направленности в современном русском и китайском языках.

Теоретическая значимость диссертации заключается в углублении представлений о роли (функциях) эвфемизации в дискурсивных практиках современной коммуникации, в различных речевых жанрах. В более широком научном контексте анализ эвфемизации в русском юмористическом дискурсе может способствовать дальнейшему развитию теории лингвокреативности, в частности – исследованию ассоциативной природы механизмов языковой игры. Классификация способов эвфемизации с использованием разноуровневых средств языковой системы может быть востребована как операциональный ресурс для описания (и сопоставительного анализа) данного феномена не только в разных дискурсах, но и в разных лингвокультурах.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенная типология и методика анализа эвфемизмов может быть взята за основу создания специальных словарей, отражающих особенности данного феномена в современной речевой культуре. Проанализированный в диссертации материал, несомненно, должен быть востребован в практике преподавания базовых лингвистических дисциплин, в разработке спецкурсов по проблемам лингвопрагматики, в том числе при обучения иностранных студентов.

Структура диссертации Сюй Минюаня отражает логику исследования, связанную с теоретическим обоснованием базовых понятий «эвфемизация» и «юмористический дискурс» (Глава I), с выделением основных функций и способов образования эвфемизмов в совре-

менном юмористическом дискурсе (с учетом разноуровневых средств языка, участвующих в этом процессе), описывается их игровой потенциал (Глава II); заключительный фрагмент диссертации посвящен исследованию особенностей эвфемизации в разных жанрах юмористического дискурса: современном анекдоте, репризах КВН, жанре детского садистского стишка и современном российском ситкоме (Глава Ш).

Не останавливаясь подробно на содержании каждой из глав, прокомментируем наиболее важные концептуальные аспекты данного исследования, отраженные в положениях, вынесенных на защиту.

В обосновании природы эвфемизации и определении сущности эвфемизма диссертант опирается, прежде всего, на исходную функцию данного процесса и его результата, связанную с заменой табуированного слова или выражения. В более широком смысле эвфемизация понимается как завуалированное (перифрастическое) обозначение того, что считается недопустимым называть прямо в определенном регистре, ситуации общения. В отличие от табу («сакрального» запрета не только на определенные слова и выражения, но и на те или иные акты поведения, контакты с определенными людьми, употребление какой-л. пищи, предметов, материалов – КД, с. 14), эвфемизация в ее современном бытии есть проявление социального культурно-речевого запрета. Совершенно справедливо в этой связи акцентирование Сюй Минюанем того факта, что «сам характер общественного развития» порождает все большее количество ситуаций, в «которых употребление эвфемизма является более предпочтительным, чем использование заменяемого им компонента (в частности, это касается «политкорректных» запретов: *афроамериканец* вместо негр, *лицо кавказской национальности* и т.п.). Это и активное использование эвфемизмов нового типа в сфере рекламной коммуникации, продвигающей, например, косметические средства от старения (ср., например, эвфемизм *апельсиновая корка* вместо *целлюлит*), в области законодательного урегулирования производственных отношений (*завершение контракта* вместо *увольнение с работы*) и т.п. В диссертации на основе обзора лингвистических работ, посвященных заявленной проблематике, представлена сводная классификация эвфемизмов по цели их употребления в речи: «магические эвфемизмы» – так их определяет сам Сюй Минюань (с.17 КД), иллюстрируя данный тип современными перифрастическими номинациями типа *будущая мама* вместо *беременная* женщина (своеобразный эвфемистический «оберег», чтоб не навредить будущему ребенку), и примерами обыгрывания этого типа эвфемизмов в художественной литературе (Волан-де-Морт, Тот-Кого-Нельзя-Называть). Выделение подобных «магических» эвфемизмов отражает, с одной стороны, динамику, с другой стороны, преемственность мотивов эвфемизации (в преломлении к условиям современной социокультурной и речевой ситуации). Среди других целей эвфемизации автором диссертации выделяются такие, как стремление быть деликатным, вежливым, не создавать ситуации коммуникативного дискомфорта у собеседника (избегая прямого наименования болезней, физических недостатков, употребления терминов «телесного низа» и т.п.); еще одна цель – снижение эмоциональности высказывания (*пухленькая* вместо *толстая*).

В качестве реплики отметим ***неточность*** данного определения цели эвфемизации (во всяком случае, по отношению к приведенному примеру, в котором эвфемистическая замена «снижает» не эмоциональность, а отрицательную оценочность прилагательного *толстый*), соответственно уместнее здесь было бы говорить об эвфемизации как средстве нейтрализации пейоративной оценки).

Как особо значимая для юмористического дискурса диссертантом выделяется цель воздействия, связанная с запрограммированным комическим эффектом восприятия информации адресатом. Не менее важной для юмористического дискурса представляется и такая цель эвфемизации, как маскирующая, которая, по сути, является общей для всех видов эвфемизации (в свете адресации информации тому, кто способен к ее дешифровке). Ср. приведенный пример эвфемизации с особой кодировкой сообщения в брачных объявлениях: *Хочу познакомиться с девушкой без комплексов* (= готовой к «внебрачным» сексуальным отношениям). К приведенной иллюстрации добавим пример из серии приколов «Русского радио», где комически обыгрывается подобный эффект эвфемистического камуфляжа: *Девушка без образования ищет работу по специальности.* Совершенно справедливо подчеркивается диссертантом и еще одна, пожалуй, самая очевидная и по сей день актуальная цель эвфемизации, связанная с завуалированным использованием обсценной лексики. И в данном случае приведенные диссертантом эвфемизмы, получившие широкое распространение в современной коммуникации, особенно в языке молодежи, интересны тем, что возникают именно как корреляты обсценной лексики, созданные на основе техники языковой игры (*ёперный театр, твою такую мамочку* и т.п.) и собственно на этом основании тоже должны рассматриваться как неотъемлемый элемент юмористического дискурса. С другой стороны, их комическая экспрессия быстро стирается, и акцент восприятия смещается на легко узнаваемый обсценный прототип.

Заметим, что отношение современных носителей языка к эвфемизмам этого типа амбивалентно – от признания в качестве шутливой номинации до полного неприятия (при считывании непристойной оценочной импликатуры). Хотелось бы услышать мнение диссертанта по поводу подобных примеров в современном разговорном регистре юмористического дискурса. Не является ли такого рода эвфемизация деструктивным фактором речевой коммуникации, способствующим не нейтрализации негативных эмоций, а «легализации» мата в его новом «комическом» обличье?

В дополнение к классификации эвфемизмов по цели их использования в диссертации представлена классификация эвфемизмов по их функции (цель создания эвфемизма – то, для обозначения чего создается вторичная косвенная номинация, противопоставляется функции эвфемизма как результату его реализации в речи). Это *манипулятивная функция,* характерная для эвфемизации в СМИ; *рекламно-экспрессивная*, *контактоустанавливающая* как частный случай достижения коммуникативного комфорта; *риторическая* (проявленная в публичном и художественном дискурсах как стилистическое усиление выразительности речи); *эстетическая,* которую диссертант, на наш взгляд, определяет, однако, ***слишком узко*** (как стремление автора художественного текста избежать претензий официальной цензуры, «украсить текст, обойти те моменты, которые могут сделать повествование грубым» – с. 22 КД); функция *политкорректности,* позволяющая избегать упоминания о том, что может оскорбить собеседника (указание на какие-то физические и психические недостатки, возраст и т.п.). Особо выделяя игровую функцию эвфемизации, автор диссертации связывает ее с использованием эвфемизма как способа создания шутки и одного из средств организация юмористического дискурса. При этом шутка рассматривается в данной работе как некая базовая установка, определяющая проявление комического эффекта в разных жанровых формах эвфемистической игры.

В самом положительном смысле можно охарактеризовать представленный Сюй Минюанем обзор имеющихся подходов к классификации эвфемизмов, послуживший основой для отбора диссертантом параметров их анализа, в том числе в соответствующих жанрах юмористического дискурса. Это *тематическая специализация* эвфемизма, позволяющая судить о том, что становится в современной языковой ситуации объектом эвфемизации; *структурный параметр*, позволяющий разграничивать «лексические эвфемизмы» и «эвфемистические сочетания»; *параметр*, определяющий *системно-языковой статус* использованного средства создания эвфемизма (фонетический, лексический, словообразовательный, морфологический, синтаксический; отдельную группу составляют средства графического уровня); еще один параметр – *способ образования эвфемизма* (метафоризация, метонимия, аббревиация, перефразирование, замена родового понятия видовым и т.п.); *мотивационный параметр*, рассматриваемый как интенция, побуждающая говорящего к использованию эвфемизма; наконец, при описании эвфемизма учитывается его *узуальный* или *окказиональный* статус, что, несомненно, значимо для выявления лингвокреативных механизмов эвфемизации в современном юмористическом дискурсе.

По сути, совокупность названных параметров лежит в основе многоаспектной модели описания эвфемизмов, позволяя автору диссертации реализовать намеченную перспективу анализа в рамках избранного дискурсивного подхода. Юмористический дискурс рассматривается как особый тип дискурса, доминантой которого является онтологически заданное игровое противоречие между нормой и антинормой, создающее комический (смеховой) эффект. Как и любой другой тип дискурса, юмористический дискурс требует для своей интерпретации выхода в сферу экстралингвистическую, событийную, предполагающую знание того, что «предшествует речи, сопровождает ее, а также следует за нею» (с. 42 КД). Это в полной мере касается игровой эвфемизации как способа самореализации личности через юмор, опрокидывающий стереотипы речевого поведения, проявляющий творческое отношение говорящих к использованию языка как средства кодирования информации, созданию разного рода импликатур. Соответственно «дешифровка» комического смысла эвфемизма требует от адресата опоры не только на лингвистический, но и на экстралингвистический (ситуативный и более широкий социокультурный) контекст. В жанровой системе юмористического дискурса как центральный первичный жанр автором диссертации выделяется шутка, а также такие вторичные жанры, как анекдот, байка, пародия, афоризм, частушка, розыгрыш, лимерик и др. К сложным юмористическим жанрам относятся юмористический рассказ и роман (с. 62 КД). Представляется оправданным для реализации поставленных задач ограничение количества анализируемых юмористических жанров наиболее показательными в плане их динамики и актуальности для современной речи.

Практическая часть диссертации посвящена описанию эвфемизмов в юмористическом дискурсе. Принципиально важной является установка, согласно которой рассматриваются как элементы юмористического дискурса только те эвфемизмы, которые не просто представлены в тексте, но выполняют в нем особую роль, являясь средством создания шутки. Эвфемизм характеризуется при этом как «способ языковой и логической игры, создаваемой средствами разных языковых уровней» (с.64 КД).

Не оспаривая данный тезис, все же отметим, что следовало бы в этой связи обратиться к вопросу об операциональной природе эвфемистической игры как способу косвенной номинации, основанному на ***ассоциативных механизмах, создающих двойной план***

восприятия эвфемизма (в частности, логический парадокс, лежащий в основе эвфемизма, состоит в том, что его форма отсылает говорящего не к тому денотату, который реально имеется в виду; в то же время дешифровка истинного смысла эвфемизма заложена в выведении ассоциативной связи между заменяемым словом, выражением и обыгрывающим его вербальным эквивалентом). Проанализированные диссертантом способы образования эвфемизмов прекрасно иллюстрируют эти ассоциативные механизмы: фонетический способ образования эвфемизмов эксплуатирует ассоциации по созвучию (так, частичное звуковое подобие запрещенных, табуированных и нейтральных лексем совершенно другой тематической сферы создает возможность их парадоксального отождествления). Ср., например, обыгрывание слова *пять* и созвучного обсценного ругательства: *Мальчик Петя ударил молотком по пальцам трудовика и* ***получил пять****. По крайней мере, ему так послышалось.* Данный пример ярко иллюстрирует и провокативный характер предъявления эвфемизма, отсылающего к типовой ситуации «получение отличной оценки», и роль лексического маркера *послышалось*, позволяющего отождествить (вывести ассоциативную связь) слова *пять* с созвучным обсценизмом применительно к описанной ситуации (*ударил молотком по пальцам трудовика*). Отметим в этой связи внимание Сюй Минюаня к тонким нюансам фоновой экстралингвистической информации, углубляющей юмористический эффект. В частности, комментируя приведенный выше пример, диссертант указывает на то, что описанная ситуация подана как бы «глазами ребенка», вероятно «просто не расслышавшего бранное слово и невинно принявшего его за хорошую оценку» (КД, с. 65). Отмечая, что фонетические эвфемизмы касаются преимущественно замены обсценных слов, Сюй Минюань выделяет конкретные модели игры на созвучиях (сходство инициалей и финалей созвучных слов, комбинации созвучных слов, соединение фонетического и графического кодов языковой игры). Интересны и примеры дисфемизации, обыгрывающие созвучие грубого/обсценного и нейтрального слова путем его орфографической деформации с целью выразить негативную оценку (ср. анекдоты типа: *Как пишется слово «хирург», через Е или через И? – Ну, если хороший, то через И*). Вполне убедителен вывод относительно того, что процессы эвфемизации и дисфемизации находятся в отношениях взаимодополнительности, свидетельствуя о творческом отношении носителей языка к выражению сниженной отрицательной экспрессии в игровом ключе. Не менее удачно описаны в диссертации и средства лексического уровня, участвующие в создании эвфемизмов юмористической направленности. Здесь выделяется два процесса: образование новых эвфемизмов и обыгрывание эвфемизмов, уже существующих в языке. Диссертант акцентирует внимание на когнитивной сложности данных процессов, выделяя их интенциональную составляющую (достижение эффекта комического воздействия на адресата, что требует от последнего способности распознавать код языковой игры, послуживший основой эвфемизации). Справедливо утверждается, что для успешного осуществления игровой коммуникации ее участники должны обладать определенным уровнем лингвистической компетенции (знанием «о способах создания эвфемизмов, умением продуцировать их самостоятельно» с юмористическими целями, пониманием сущности эвфемизации). Новые эвфемизмы образуются способами метафоризации; обыгрывания значения заимствованного слова (см. пример со словом *лайк* в значении «неприличный сексуальный намек»); использования широкозначных слов (*корейская кухня* – о меню дешевых заведений общепита, где готовят некачественную пищу = блюда из собак); буквализации значений устойчивых оборотов и фразем (ср. пример черного юмора, обыгрывающего двоякий смыл выражения

большей частью как ответ врача на вопрос жертвы автокатастрофы: *Значит, я в больнице?*). Отдельному рассмотрению подвергается в работе такой параметр игровой эвфемизации, как *инфериорность*, сущность которого заключается в недосказанности, намеренной недоговоренности (когда в тексте на месте подразумеваемого элемента, чаще нецензурного слова, стоит многоточие). Такая смысловая недостаточность может компенсироваться общностью фоновых знаний адресанта и адресата сообщения, которому предстоит достроить недостающую информацию. Правда, в связи с предложенной трактовкой данного приема возникает вопрос о правомерности его отнесения к лексическому типу эвфемизации. Скорее всего, это фигура семантико-синтаксического уровня, когда имплицитный смысл высказывания выводится в опоре на типовые пресуппозиции. Ср. пример: *Ученик слесаря навсегда расстается с детством после первой фразы слесаря...* (Шутки КВН). Достраивание конкретного нецензурного слова или выражения здесь необязательно, юмористический смысл эвфемизма базируется на пресуппозиции «все слесари матерятся, это их обычный стиль общения».

Можно констатировать, что окказиональность всех вышеперечисленных диссертантом видов эвфемизации связана с ситуативной потребностью под прикрытием шутки завуалировать скрытый смысл высказывания.

Юмористическое обыгрывание уже существующих в языке эвфемизмов характеризуется процессами каламбурного сближения многозначных слов и омонимов в их составе, буквализацией переносного значения эвфемистических фразеологических оборотов. Как видно из анализа приведенных в работе примеров, в основе интерпретации семантики эвфемизмов в юмористическом дискурсе лежит один из универсальных принципов языковой игры, основанный на эффекте обманутого ожидания. Этот принцип поддержан, по наблюдениям диссертанта, и стилистическим контрастом: использованием лексем одного из книжных стилей для юмористического обозначения явлений сниженного плана (ср. *поощрять отечественного производителя* – о девушках, которые выходят замуж не за иностранцев, а за своих соотечественников). Характеризуя деривационные процессы создания эвфемизмов в русском юмористическом дискурсе, Сюй Минюань отмечает высокую активность глагольного словообразования (в основном аффиксального типа), обыгрывание словообразовательной омонимии и возможностей аббревиации, когда сокращение табуированного слова приводит к его совпадению с нейтральным или позитивно окрашенным словом. Нам представляется, что этот процесс обратим, и эвфемизмы такого типа могут возникать в результате парадоксальной дешифровки «псевдоаббревиатур» (*Зоя* – змея особо ядовитая – о жене, как перифрастический эвфемизм к слову *стерва*).

Морфологические средства создания эвфемизмов (в отличие от подробного описания средств других уровней) в диссертации описаны довольно лаконично и иллюстрируются лишь несколькими примерами использования в этой функции указательных и относительных местоимений. Единственный, хотя и очень интересный, случай эвфемистического обыгрывания грамматической категории числа (использование ед.ч. вместо мн.ч., создающее импликатуру «раздвоение личности»), приведен почему-то в разделе, где описываются словообразовательные эвфемизмы (*Победим шизофрению вместе! – подумал**и** я*» (КД, с .85).

Не вполне ясно, к какому типу (средствам какого уровня языка) относит автор диссертации эвфемизмы, связанные с обыгрыванием прецедентных текстов, которые характеризуются им как разновидность каламбура, имеющего аллюзивный характер и часто основанного на буквализации смысла исходного прецедентного феномена. Во всяком случае, этот

тип эвфемизации, безусловно, очень активно используемый в юмористическом дискурсе, не вписывается в предложенную автором классификационную сетку.

Оригинально и весьма убедительно интерпретированы в диссертации синтаксический и текстуальный уровни юмористической эвфемизации с точки зрения их роли в создании разного рода импликатур. Представляется вполне логичным и выделение частных функций эвфемизмов как конкретных аспектов реализации базовой для юмористического дискурса игровой функции. Эти функции фокусируют внимание на специфике игровой эвфемизации, которая, внешне маскируя табуируемое явление, привлекает к нему внимание; нейтрализует или акцентирует негативную оценку обозначаемого, апеллирует к воображению адресата, маскирует оскорбление, способствует политкорректному общению и т.п. Все сказанное аргументативно подтверждает выдвинутое на защиту положение о том, что основной функцией эвфемизмов в юмористическом дискурсе является создание противоречия между содержанием текста и языковым способом репрезентации этого содержания.

Во всех случаях при описании разных типов эвфемизации (в том числе и при анализе конкретных юмористических жанров) автор диссертации последовательно пытается выявить не только интенцию, лежащую в основе образования эвфемизма, но и прогнозировать декодирование его смысла адресатом. Такой подход заслуживает самой высокой оценки, однако выдвинутые версии относительно восприятия игровых эвфемизмов носителями языка нуждаются в экспериментальной верификации (и это возможная перспектива исследования).

Заключительная глава диссертации, связанная с исследованием жанровой специфики эвфемизмов в юмористическом дискурсе, затрагивает важный аспект дискурсивного исследования рассматриваемого феномена. Влияние жанровой формы на содержание, структуру, функции эвфемии определяется концептуальной сущностью этой жанровой формы. В частности, концептосфера русского анекдота создает широкое поле для эвфемистической игры как средства комической дискредитации высмеиваемых явлений. Автор иллюстрирует это примерами анекдотов с использованием разных типов эвфемизмов, выделенных и охарактеризованных ранее. Продуктивным для анализа игровых эвфемизмов является такой современный юмористический жанр, как реприза КВН (своего рода новая версия анекдота в виде короткой юмористической фразы, в том числе содержащей эвфемистический смысл). В отличие от традиционного жанра анекдота, репризы КВН имеют характер импровизационной шутки на злобу дня (например, *женщина* ***стасомихайловского*** *возраста*) – именно в этом нам видится специфика данного феномена. Не акцентируя внимания на данном факторе, автор диссертации, по сути, подтверждает это положение приведенными в качестве иллюстрации разноуровневыми моделями эвфемизации, подчеркивая при этом соединение эвфемии в репризах КВН с другими средствами создания комического эффекта. Не менее интересен специфический функционал эвфемизмов в фольклорном жанре садистского детского стишка как особой формы черного юмора, который, как считают психологи, есть форма преодоления разнообразных подростковых страхов и выражения протеста против правил, устанавливаемых взрослыми. В качестве специфики эвфемизации в данном жанре выступает то, что объектом черного юмора становятся явления, «смех над которыми считается табу». В этой связи эвфемия выступает как обязательный стилистический элемент данного жанра, основанного на нонсенсе. И наконец, чрезвычайно интересен дискурсивный анализ эвфемизмов в жанре ситкома (современной ситуационной комедии, разновидности телесериала) как нового явления российской масс-культуры. Показателен тот факт, что данный жанр одновременно явля-

ется и транслятором речевой культуры современной молодежи, и «рассадником» эвфемистических вульгаризмов (см. примеры типа *пипец, едрид-мадрид, блин блинский*), однако креативная составляющая юмористической эвфемизации тоже довольно ярко выражена в этом жанре, в частности, в обыгрывании коммуникативного потенциала эвфемизмов.

В целом оценивая диссертацию Сюй Минюаня, можно констатировать, что это во многом новаторская работа, представляющая собой комплексное описание эвфемизации как процесса и результата лингвокреативной деятельности в современном юмористическом дискурсе. Высказанные в ходе анализа замечания и рассуждения полемического характера не затрагивают концептуальных основ данного исследования. Сказанное дает основания констатировать, что диссертация Сюй Минюаня «Эвфемизация в современном русском юмористическом дискурсе» представляет собой самостоятельное завершенное исследование, соответствующее всем требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ №842 от 24 сентября 2013 г. Автореферат и публикации полно отражают содержание диссертационной работы. Автор диссертации, Сюй Минюань, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и
русского языка Института филологии, культурологии
и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО
«Уральский государственный педагогический
университет»

Гридина Татьяна Александровна
20.05. 2019 г.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26, ауд. 281 (кафедра общего языкознания и русского языка). Тел.: 8(343)235-76-64; +7-922-162-90-80. E-mail: tatyana_gridina@mail.ru. Сайт организации: http://www.uspu.ru

Подпись Гридиной Т.А.
заверяю
Н.М. Крошкина
(подпись, расшифровка)
Отдел ДОУ УрГПУ
20.05. 2019